

Пролог

Западная Африка, октябрь 1893 года

Удивить Рихарда Беллхайма было нелегко: он слишком много видел и испытал на своем веку. Но сейчас его словно заморозили.

Над городом взошло солнце, и его золотистый свет залил колонны и крышу храма. Легкий восточный ветерок уносил покрывало ночных облаков, и глинобитные жилые постройки одна за другой выступали из дымки, словно призраки. Хищная птица кружила высоко в небе, и ее протяжные крики затихали где-то в горных ущельях.

Этнограф на секунду прикрыл глаза.

Столовые горы Бандиагара — место, овеянное легендами. По преданию, здесь некогда обитал народ, обладавший невероятными знаниями о звездах и планетах. Народ, который загадочно появился в этих краях и так же таинственно исчез. Бесчисленные сказания о нем передавались из уст в уста, и некоторые из них были настолько странными, что едва ли могли оказаться правдой.

Но это еще предстояло выяснить, а Рихард Беллхайм был не из тех, кто легко сдается. В кругу коллег его считали самым известным исследователем Африки, и не без причины. Он не раз пускался в опаснейшие путешествия и проникал в тайны коренных обитателей Черного континента гораздо глубже, чем кто-либо до него.

На некотором расстоянии впереди виднелись каменные выступы, высотой метров по сто каждый. Те, кто побывал здесь до него, всегда отзывались о них со сдержанным почтением. Эти скалы даже на рассвете казались мрачными и неприступными. Но этнограф забрался слишком далеко, чтобы повернуть назад. Если бы страх и благоразумие были его советчиками, он никогда бы не покинул Берлин. Другое дело — время от времени возвращаться туда, в свою университетскую аудиторию, чтобы поведать удивленным слушателям о том, какие чудеса таит в себе Африка.

Он остановился и осмотрелся.

Густая тень инжирных и гранатовых деревьев делала путешествие по заброшенному городу довольно приятным. Стрекотали цикады, время от времени мимо пролетали бабочки.

Помедлив всего мгновение, этнограф продолжил путь. Теперь он шел мимо оград и заброшенных садов, поднимаясь вверх по ступеням, ведущим к главному входу в храм. На самом верху ему пришлось задержаться. Тяжелая каменная дверь оказалась запертой.

Окон в здании не было, и оставалось только гадать, что ждет его внутри.

Впрочем, ему понадобилось не так уж много времени, чтобы обнаружить устройство, с помощью которого открывались храмовые врата. Собравшись с силами, Беллхайм налег на рычаг. Раздался громкий скрежет, тяжелый каменный диск тронулся с места и заскользил в сторону, в воздух взвилась многовековая пыль. Легкие путешественника наполнились промозглым спертым воздухом. Пахло пылью, сухим камнем и землей. В этом запахе ему даже почувствовался легкий цветочный аромат, но это, вероятно, было просто игрой воображения. В таких местах нередко случаются подобные обманы чувств.

Этнограф поднял воротник и отвернул закатанные рукава рубахи, после чего шагнул через порог храма.

Внутри царил полумрак. Свет скупо проникал сюда через отверстие в куполе, забранное каким-то прозрачным материалом — слюдой или горным хрусталем. В бледном полусвете плясали мириады пылинок. Понадобилось немало времени, чтобы его глаза привыкли к странному освещению.

Храм был заброшен давным-давно. Целую вечность сюда не ступала нога человека. На покрытом слоем пыли полу был бы заметен любой, даже самый легкий след. В центре, — там, куда падал луч света, — Беллхайм заметил странное округлое возвышение, достигавшее полутора метра в ширину и около полуметра в высоту. Оно также было покрыто песком и пылью,

но в некоторых местах сквозь этот покров проступали едва заметные зеленоватые проблески. Издали очертания возвышения напоминали верхнюю часть огромного шара, погруженного в песок и как бы слегка светящегося изнутри.

Исследователь осторожно приблизился — и звуки его шагов эхом отразились от стен. Откуда это явственное ощущение, что за ним наблюдает добрая дюжина глаз? И что за призрачный шепот слышится в воздухе?

Беллхайм продолжал продвигаться вперед, пока не оказался у самого возвышения. Теперь он мог рассмотреть его в деталях. Действительно — под слоем песка поблескивает некое зеленое вещество. Присев, он смахнул рукавом пыль и песчинки. Открывшаяся под ними поверхность оказалась гладкой и блестящей.

Что же это такое, во имя всего святого?

В пол храма был намертво вмурован громадный зеленый монолит из неизвестного материала, обрамленный черным обсидианом и украшенный золотым кольцом с вытянутыми лучами. При взгляде на этот камень первым делом возникало ощущение, что его поверхность как бы оплавлена, а сам монолит напоминает стекло особой выработки. Однако это совершенно определенно не стекло. Может быть, изумруд? Или какой-то другой зеленый драгоценный камень?..

Беллхайм внезапно затаил дыхание. А что если это — то самое «Стеклянное проклятие»? Ему было знакомо одно из древнейших сказаний народа догонов о «Стеклянном проклятии», но никогда раньше он

не придавал ему особого значения. И вот он стоит в древнем храме, а перед ним — эта странная вещь, словно явившаяся из легенды! Миф и реальность сплелись воедино!

Если верить догонским преданиям, «Стеклянное проклятие» — это гигантский изумруд, прибывший на Землю из глубин Вселенной. И если это в самом деле он, то подобная находка стала бы сенсацией, сравнимой с открытием Генрихом Шлиманом остатков Трои и обнаружением сокровищ царя Приама. Подобное открытие принесло бы ему всемирную славу, а его значение для науки просто неопределимо. И тогда ему, Рихарду Беллхайму, больше не пришлось бы кланяться деньгами на новые экспедиции и время от времени потуже затягивать пояс. Не то чтобы он был беден, но этот камень сделал бы его по-настоящему богатым — настолько богатым, что он даже не решался предположить размеры своего будущего состояния.

Этнограф попытался остановить лихорадочную скачку мыслей. Кристалл слишком велик для транспортировки и, кажется, намертво вмурован в фундамент храма. Может быть, ему удастся отколоть хотя бы часть от него?

Он вынул из наплечной сумки небольшой геологический молоток и осторожно ударил по гладкой поверхности камня. В ответ раздался металлический звук. Похоже, этот материал необычайно прочен. Он ударил еще раз, гораздо сильнее. И снова без какого-либо результата.